

БЛУДНЫЕ ДЕТИ

Новелла

То, что ты задумал, и то, что ты изготовил — не всегда одно и то же. Даже — точнее — всегда не одно и то же. Особенно если изготовлял не сам. Вот не могу я сам сделать обложку, и получается срам: не то нарисовано, не тем шрифтом набрано, и вообще брать её в руки...

А вот и нет. Когда берёшь в руки только что изданную книгу, бандеролькой присланную, с обратным адресом: "Издательство РАШЕН КРИМИНАЛ", а в книгу вложен листок всего с двумя словами: "Сигнальный экземпляр" — это сильно впечатляет. И пошлое желание погладить ладонью обложку не кажется таким уж пошлым. Честно говоря, даже пошлая картинка на глянцевой обложке не так уж и раздражает. В конце концов, это дело издательства — продать мой товар, так пусть и отвечает — за этих двух полуголых на обложке, за их автоматы непонятной конструкции, за этот перекошенный над ними вертолёт с хищной эмблемой и за этот размазанный лесной фон, изображающий тайгу. Важнее то, что имя автора на обложке — сугубо русское. Мода на иностранные имена прошла, читатель ждёт национального чего-то, так на, возьми его скорей.

Я бы и издательство переименовал, но вот это уже не стоит. Имя издательства, как и имя автора, должно быть хорошо "раскручено", должно быть на слуху. Хватит и того, что все надписи на обложке сделаны этакой славянской вязью — сразу видно, где происходят события. Русский дух начал возрождаться, ему надо себя осознавать, но и этот процесс, как всякое лечение, необходимо дозировать.

А исходить приходится из того, что имеем. А имеем — сплошь американские образцы. То есть, чтобы у сегодняшнего массового читателя книга вызвала интерес, на обложке должна быть голая женщина с пистолетом, а название книги — обобщённо — "Смертельное убийство". Даже обидно, что эту гениальную злую шутку придумал не я. Зато у меня на обложке — голые мужчина и женщина с автоматами, а называется она — "Живём брать не будут". Было ещё два варианта — "Шанс для дичи" и "Опасная мишень". Издательство выбрало этот. Бог с ними. Варианты легко пойдут в следующий роман, об этом же герое, у которого русская казачья фамилия Скидан, служит он в элитном спецназе и работает только в зарубежных командировках. Там свой особый мир, в котором спецназовцы всех стран знают друг друга по именам и относятся друг к другу так же, как у Хема старик Сантьяго относился к Большой Рыбе: "Я любил её и потому убил". Сходство усиливается ещё и тем, что марлин тот старику не достался, акулы съели. Ну и моим спецам ничего не достаётся, кроме орденов да званий. Ну, ещё закрывают глаза на некоторые шалости. Мой Скидан завалит в этой книге несколько и своих россиян, и иностранцев, но это сойдёт ему с рук, потому что ему в очередную командировку ехать. Да и убил-то кого: мерзавцев, которые во глубине Сибири устраивают спортивную охоту на людей, случайно захваченных в тайге: туристов вроде Скидана и его жены, грибников, охотников, бродяг... За большие деньги, конечно, которые надо называть бабками. И ещё многие вещи надо называть не их нормативными именами, а теми прозвищами, которые им даны сегодня. Милиционеры — менты, доллары — зелёные, рубли — деревянные, огнестрельное оружие — стволы, бродяги — бомжи... Стиль эпохи, одно из правил игры.

Не будь таких правил, ах как бы мы все писали. Если бы платили...

Ну, хватит отвлекаться. Ошибок на обложке нет, в выходных данных всё на месте, приятно велик для наших времён тираж, цена книги - договорная. Теперь надо почитать её как чужую, по правилам гамбургского счёта.

Кстати, уже сейчас мало кто знает, что означает милицейская аббревиатура БОМЖ, а что такое гамбургский счёт — давно забыли почти все.

Итак, оценим собственный роман без поддавок. Как говорил поэт, на фоне Пушкина.

У полковника Скидана боевое прозвище, оно же позывной — Марлин. Не тот Марлин средневековый, который астролог и колдун, а тот, который меч-рыба. Но и колдун немного

тоже, потому что хорошо развита и оттренирована солдатская интуиция. Он чувствует заранее, где опасность, какова её величина и даже скорость. Он находчив, стремителен, беспощаден, но знает меру и лишнего не натворит. Абсолютный боец. Знали бы организаторы охоты, чью яхту остановили на реке. И совсем ничего, что я, рядовой читатель, заранее знаю: победа будет за Марлином, а вот этого бизнесмена, который охоту организовал, он обязательно достанет. Это мне, читателю, и требуется. Я хочу, чтобы хоть несколько гадов понесли наказание по-настоящему — не в элитных камерах отсиделись, а погибли бы в суматохе драки, мимоходом, как комары на здоровом теле. Неважно, что стрелы у Скидана без наконечников, он и такими... Зато тетива сплетена из волос жены, молоденькой и прекрасной. Неважно, что Скидан достаёт одного из охотников ножом аж на той стороне речки. Речка узкая, а рука твёрдая — такое возможно. Неважно, что башня в тайге у злодеев высотой аж сто метров, а сложена из брёвен, всего лишь скреплённых железными скобами. Основной читатель — горожане, они не поймут. Неважно, что стволы кедров у меня тёмно-коричневые. Никто проверять не пойдёт. Неважно, что слишком много электронных "клопов" в одежде, обуви и прочих предметах, которыми снабдили свою дичь охотники. Такое тоже возможно. Но вот курс городские знатоки проверят обязательно. И поймут меня на серьёзнейшем зевке. Герои находятся в северном полушарии, идут на юг и уклоняются всё правее, чтобы двигаться — куда? На юго-запад! А у меня — на юго-восток. И редакторы в издательстве не заметили. Срам. И насчёт флота всё же прокололся. Мой герой — морской полковник, это бывает, и он часто натывается на бывших моряков и использует флотскую терминологию. Сам я не служил вообще, но и в автомате Калашникова у меня 30 патронов, и израильский "узи" имеет калибр 9 миллиметров, и таинственный ПП-90 у меня бьёт бесшумно, но АПС всё же лучше... Но какого же чёрта никто не заметил, что один из бывших морячков у меня "служил в Черноморском флоте"? Не *во флоте* служат, а *на флоте*. Моряков в России много, посмеются, стыдно. А вот опечатка — удачная и явно не моя: жену героя захватчики бьют по попке, а напечатано — "по полке". Дальше попка повторяется уже правильно и всё смеющимся объясняет.

Зато всё простят за жену Скидана. О такой женщине только мечтать. Верна, надёжна, понятлива, не капризна — это ещё нормально, хотя и уже здорово. Но когда она отсылает мужа "кинуть пару палок" несчастной спутнице, только что потерявшей подлеца-мужа, дабы поднять ей дух — вот за это читатели-мужчины будут аплодировать. И потом простят ей сознательный грех, когда ради спасения связанного мужа она отдаётся сразу троим и потом признаётся Скидану: "Знаешь, что самое страшное? Мне это понравилось. Раз сто кончала". Мужчины-читатели очень её пожалеют, когда отмороженный киллер-кавказец, за секунду до собственной смерти, успеет застрелить её на глазах мужа.

"Отморозок" — тоже неологизм, без которого не обойтись.

Кстати, отморозки у меня — разных национальностей. Тут всё штатно. Ни в каком национализме никто не обвинит. И русская слава — налицо: наш спецназ побеждает зарубежных соперников в третьих странах. В общем, всего в меру.

А вот как с сексом, если на фоне Пушкина?

Ну, может быть, слегка сильновато с сексом, это можно признать. Но как ещё показать *сегодня* настоящую любовь. Пушкину было вольно: до него не было романа. А тут у одного меня этот — шестой. И в каждом покажи любовь немного не так, как в других. Тем более, что тема любви даже патологическим бездарям кажется неисчерпаемой. Не в том смысле, чтоб сегодня на карачках, завтра на люстре, а в том, чтобы испытать её в разных ситуациях, коим действительно несть числа. Измен случайных, вынужденных, ошибочных, сознательных, даже восторженных — бесчисленное множество вариантов, и после каждой возможно прозрение или раскаяние с последующим возвращением к исходному, подлинно любимому объекту страсти. Вот на этом всё и строится, кто не знает... Важно только не перебрать. И хоть немного выдумки.

Вот жена спасла Скидана от верной смерти, отдавшись троим злодеям, вот рассказала ему всё, *как своему*, а он несознательно стал её избегать: мужское собственничество не может преодолеть. Тогда она открыто ему изменяет с ничтожеством, которому кричит: "Я — твоя блядь!" Небольшой перебор, пожалуй. Зато через несколько страниц спасает мужу жизнь, а ещё

через несколько отдаёт за него свою. Почтеннейшей публике остаётся признать: бывает, и такое может быть. Вообще, на свете возможно всё, до чего способен додуматься человек.

Тут дело лишь в том, чтобы у читающего не исчезало ощущение неотвратимости происходящего. Никаких "роялей в кустах". Неудобства, неприятности, засады подстерегают героя везде, где может их вообразить вьедливый читатель. Если он их не дожждётся, то скажет, что автор подыгрывает герою, и это — поражение автора. Никакого везения, только личное мужество, тренированность, предусмотрительность и — изредка, подарком — помощь друзей. При этом желательно, чтобы друзья понесли потери — для убедительности.

Забавно: когда я начинал первый роман, героям было чуть за двадцать, а теперь им уже за сорок — стареют вместе со мной. И мои привычки, если всмотреться, они вынуждены иметь: так же страдают без курева, так же любят выпить, так же любят комфорт, так же небрежны в одежде, но следят за чистотой ногтей и часто подмываются. О ком бы мы ни писали, мы пишем о себе.

Даже когда скупно разбрасываю по тексту мелкие приметы нашего поганого времени, я тоже пишу о себе. Слегка подумав, почтеннейшая публика увидит, что в этой мутной воде я один из тех, кто приспособился и недохнет с голоду, как большинство писателей В ЭТОЙ СТРАНЕ.

Мне не стыдно от этого. Мне не стыдно называть Россию *этой страной*. Это не моя страна, ибо не я сделал её такой. Я — только выживаю. Более того, если критика напишет, что мои романы — мутные капли мутной волны насилия и разврата, пришедшей к нам с Запада и захлестнувшей, я не буду спорить. Но я объясню, что мои романы — начало конца этой волны. Вина сегодня на тех, кто эту муть начал первым переводить и издавать, кто её разрешил. Я только подключился. Но не как подражатель. Я пишу *русское*. Это очень важно. Этой конкуренцией мы — а нас немало — сбиваем зарубежную бульварщину в наше национальное русло. И нам это удаётся. А там и муть начнёт оседать.

Мой следующий роман будет называться "Операция "Бросок". Там Скидан будет мстить за убитую жену и погибших друзей, ибо это его первая операция на родине. Все заимки, вроде той, на которой он побывал с женой и где на них охотились иностранные туристы, отслежены самыми новыми средствами обнаружения, и группа Скидана начинает охоту на этих охотников. Без пощады. Молча. И ещё кое-кого зацепят, из пока не называемых. И так зацепят, что почтеннейшая публика поймёт: в России начато наведение порядка. И неважно, какими методами. Публике это никогда не важно. Ей подай интересное. И цель чтоб была благородная. Она, публика, хочет именно того суда над злодеями, который запрещён законом. Это давно есть в американских боевиках. И не только в американских. И не мутной будет русская волна, а кристально справедливой. И любой секс мне тогда простится, и любые способы уничтожения негодяев, и мелкие промахи вроде того, который я сам заметил в последней книжке: герой не может сунуть руки в карманы, потому что карманов нет, а через семнадцать страниц, оставаясь в тех же брюках, вынимает из карманов сигареты и зажигалку. Ничего, простят или не заметят. Да и я больше не прозеваю.

Я очень надеюсь, что напишу и такой роман, в котором смогу работать над стилем столько, сколько хочу, буду, как Экзюпери, защищать те мысли, какие давно вынашиваю, и платить мне за него будут так же, как Экзюпери — чтоб деньги всегда лежали в вазе на столе, и каждый брал, сколько надо. Я уже научился главному в литературе: видеть классику и подёнку не через сто лет, а сегодня, в своих собственных сочинениях. Я честно вижу, что ни один из моих изданных романов на классику не тянет. Все они — дети блуда. Но я знаю и то, что сегодня почтеннейшей публике больше нужны подёнки. А у меня нет другого способа заработать, как их сочинять. Я сам — пока — блудный сын русской литературы. Но блудные сыновья возвращаются. Я знаю, что талантлив. Я знаю, что продаю свой талант в розницу и по дешёвке. Но у меня никогда не пройдут боли от тех шишек, которые мне набили, когда пытался продать что-то стоящее. Я не хотел быть неудачником и я им не стал. Я скоро преуспею и успею написать ещё, и такое, что меня не забудут.

Время бульварщины, конечно, никогда не кончится. Тут я не обольщаюсь. Оно не закончится для общества нигде и никогда. Но оно закончится для меня, отдельно взятого писателя с русской фамилией. Эта фамилия уже достаточно известна, чтобы издать под ней кое-

что *настоящее*. У меня есть это настоящее. Я допишу его непременно, едва закончу контрактные обязательства перед всеми этими *рашен криминалами*.

Беспокоит одно: мои герои будут уже дряхлыми стариками.

03.10.03г.